

КОММЕНТАРИЙ К ПЕРЕВОДУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КНИГИ Э. ДЮРКГЕЙМА «ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ»

И. С. СУЛЬЖИЦКИЙ¹

THE COMMENT TO THE TRANSLATION OF THE CONCLUSION OF «THE ELEMENTARY FORMS OF RELIGIOUS LIFE» BY E. DURKHEIM

I. S. SULZHYTSKI

В настоящем номере вниманию читателя предлагается перевод заключения одного из наиболее фундаментальных трудов французского социолога Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни». Несмотря на свою исключительную значимость, книга так окончательно и не переведена на русский язык. В публикуемом заключении излагаются основные выводы масштабного исследования религиозной системы австралийских аборигенов, предпринятого классиком. Между тем идеи, излагаемые на страницах издания и косвенно затронутые в заключении, отображают весь размах данного предприятия, выходящего далеко за пределы анализа религиозных представлений конкретного архаического общества. В работе мыслителя мы можем обнаружить широкий спектр концепций, связанных с социологией религии, теориями ритуала, сакрального, социальной эпистемологией, социологией знания.

В комментарии к данному переводу мы сочли необходимым кратко обозначить влияние работы «Элементарные формы религиозной жизни» на современную социологическую теорию, а также осветить ряд серьезных противоречий, осложняющих восприятие названного труда в научном сообществе. С другой стороны, нам хотелось бы обратить внимание читателя на то, что представленный перевод выполнен не с языка оригинала, а с английского перевода книги за авторством К. Филдс². Безусловно, этот факт необходимо учитывать, если мы хотим всерьез подойти к анализу произведения. Однако, несмотря на все возможные неточности, этот первый шаг на пути к позднему Э. Дюркгейму является необходимым и полезным, особенно для тех читателей, которые незнакомы с данным этапом творчества французского социолога ввиду отсутствия русскоязычных изданий. Се-

годня наиболее крупным переводом произведения на русский язык остается перевод введения и первой главы А. Б. Гофманом³. На русский язык также не переведены лекции Э. Дюркгейма «Прагматизм и социология», которые дают более основательное понимание его работ, особенно в части, которая связана с социальной эпистемологией и социологией знания. Относительно недавно был опубликован перевод статьи Э. Дюркгейма «Дуализм человеческой природы и его социальные условия»⁴, которая долгое время оставалась недоступной для русскоязычного социологического сообщества.

С момента выхода в свет последней фундаментальной работы Э. Дюркгейма в 1912 г. прошло чуть более 100 лет. Несмотря на столь почетный возраст, «Элементарные формы религиозной жизни» продолжают прямо или косвенно определять траектории научных изысканий современных социологов по всему миру. Т. Парсонс, внесший существенный вклад в популяризацию⁵ идей Э. Дюркгейма в американском научном сообществе, начинает свою работу «Структура социального действия» цитатой профессора К. Бринтона: «Многие ли нынче читают Спенсера?»⁶. Мы можем задать аналогичный вопрос в отношении Э. Дюркгейма, и ответ, который мы получим, вероятно, будет утвердительным.

В действительности дюркгеймианское наследие, особенно в части, которая связана с книгой «Элементарные формы религиозной жизни», остается центральным для целого ряда «мейнстримных» социологий. Например, Дж. Александер ставит творчество классика в центр собственных научных изысканий в области культурсоциологии: «поздний Дюркгейм, в частности “Элементарные формы религиозной жизни”, был не столько попыткой заложить фундамент антропологических исследований простых обществ, сколько работой

¹Илья Станиславович Сульжицкий – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. E-mail: ilya_sulzhickiy@mail.ru.

²Durkheim E. The elementary forms of religious life / transl. by K. Fields. New York, 1995.

³Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / пер. А. Б. Гофмана // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения / под ред. А. Н. Красникова. М., 1998.

⁴Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социол. обозр. 2013. Т. 12, № 2. С. 133–144.

⁵Т. Парсонс, тем не менее, отдавал явное предпочтение функционализму Э. Дюркгейма.

⁶Parsons T. The Structure of Social Action. A Study of Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers by Talcott Parsons, Assistant Professor of Sociology Harvard University. New York ; London, 1937.

по конструированию базовых понятий понимания религиозной или ориентированной на смысл природы современной жизни»¹. Определенную преемственность дюркгеймианской исследовательской традиции демонстрируют социология практик Л. Болтански и Л. Тевено, социология знания Д. Блура и ставшие уже классическими теории П. Бурдьё, Т. Парсонса, Г. Гарфинкеля, Р. Коллинза, И. Гоффмана. Дюркгеймианский социологический проект остается предметом изучения и интерпретации не только в контексте интенций отдельных ученых, но и на институциональном уровне: функционирует Британский центр дюркгеймианских исследований в Оксфорде (*British Centre for Durkheimian Studies in Oxford*), там же выпускается журнал «Дюркгеймианские исследования» (*Durkheimian Studies*).

Со стороны различных социологов мы можем встретить весьма высокие оценки произведения. К примеру, американский социолог Р. Белла в своем комментарии по поводу выхода в свет нового англоязычного перевода книги высказался о ней как о «величайшей работе по социологии из когда-либо написанных»². Другой американский социолог, Р. Коллинз, называя дюркгеймианскую традицию центральной для современной социологической мысли, отдает дань уважения именно поздней работе классика: «Дюркгеймианцы ведут нас в джунгли, только этими джунглями являемся мы сами, и из них нет исхода. Бьют тамтамы, нас опутывают лианы и окатывают эмоциональные волны. Это и есть то магическое представление, которое мы называем жизнью»³.

Несмотря на многочисленные положительные отклики, среди всех работ Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» остаются одной из наиболее неоднозначных и оспариваемых. Именно после выхода этой книги творчество социолога перестало ассоциироваться исключительно с позитивизмом, а его самого стали попеременно обозначать как идеалиста, функционалиста, позитивиста, «идеалистического постмодерниста или прагматиста»⁴. Неоднозначная ситуация с прочте-

нием труда во многом связана с весьма противоречивыми оценками и критикой его изысканий в момент выхода книги. Большая часть критических отзывов, как ни странно, обнаруживается не среди социологов, которые в определенном смысле оставили произведение без должного внимания, а среди антропологов и этнографов⁵. Именно они и сформировали самые первые, во многом негативные впечатления о поздней работе Э. Дюркгейма, подвергли автора нападкам за «кабинетные исследования» и наивность в отношении наличия развитой системы мышления у первобытных племен⁶. В свете многочисленных неверных трактовок французский социолог был вынужден даже опубликовать отдельную статью, призванную конкретизировать его основную задумку. Дальнейшее положение дел только осложнилось серьезными противоречиями между континентальными интерпретаторами Э. Дюркгейма, развивавшими конструктивистское и идеалистическое прочтение работы, и его американскими последователями, которые приняли за основу функционалистскую трактовку⁷. Вследствие подобных разногласий появилась так называемая гипотеза о двух Дюркгеймах⁸, согласно которой разделение творчества социолога на ранний, позитивистский, и поздний, идеалистический, периоды стало для некоторых своего рода аксиомой⁹.

Дебаты вокруг книги «Элементарные формы религиозной жизни» происходят не только в контексте различных конкурирующих прочтений основных положений теории Э. Дюркгейма, но и вокруг самого предмета его изысканий. Даже разработки ученого в области социологии религии, которые являются общепризнанными и отражены в самом названии труда, иногда ставятся под сомнение. Более того, для подобной неопределенности есть серьезные основания: во введении к тексту сам автор обозначает предмет своей работы как социологию религии, так и теорию познания. В этом контексте Э. Роулз видит предмет исследования Э. Дюркгейма отнюдь не в религии, а в социальной эпистемологии; в русле последней религия является

¹Александр Дж. Об интеллектуальных истоках «сильной программы». Предваряя спецвыпуск журнала Центра фундаментальной социологии «Социологическое обозрение», посвященный культурсоциологии // Социол. обозр. 2010. Т. 9, № 2. С. 5–10.

²Durkheim E. The elementary forms of religious life / transl. by K. Fields. New York, 1995.

³Коллинз Р. Четыре социологических традиции / пер. В. Россмана. М., 2009. С. 192.

⁴Роулз Э. У., Корбут А. Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социол. обозр. 2014. Т. 13, № 2. С. 84–140.

⁵Там же; Куракин Д. Ю. На пути к позднедюркгеймианской программе культурсоциологии. Перцепция «Элементарных форм» Э. Дюркгейма в социологической мысли // Социол. журн. 2009. № 3. С. 15–28.

⁶По этому поводу Э. Роулз справедливо замечает: «Среди ранних исследователей существовало единодушное мнение, что Дюркгейм зашел слишком далеко, провозгласив базовое равенство всех людей. Эта «ошибка» только делает Дюркгейму честь» (Роулз Э. У., Корбут А. Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социол. обозр. 2014. Т. 13, № 2. С. 84–140).

⁷Во второй половине XX в. ситуация меняется. Так, например, Дж. Александер положил в основание культурсоциологии именно идеалистическое и конструктивистское прочтение работ Э. Дюркгейма.

⁸Pickering W. S. F. Emile Durkheim: Critical Assessments of Leading Sociologists. Routledge, 2001.

⁹С чем опять же согласны не все социологи. Упомянутая Э. Роулз высказывается на этот счет достаточно резко: «Проблема со всеми этими спорами заключается в том, что двух Дюркгеймов никогда не существовало» (Роулз Э. У., Корбут А. Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социол. обозр. 2014. Т. 13, № 2. С. 84–140).

лишь материалом, на примере которого строятся дальнейшие рассуждения. Второй пункт разночтений вокруг предмета работы сосредоточивается на тонком различии между его социологией знания и социальной эпистемологией, которое опять же отчетливо проблематизируется в работах Э. Роулз. В них она отбрасывает конструктивистские и функционалистские интерпретации произведения как несостоятельные: «Противостоящие друг другу функционалистская и идеалистическая трактовки позиции Э. Дюркгейма проистекают из непонимания отношений между его различными аргументами: социологией знания и эпистемологией»¹. В связи с этим акцент исследователей на эпистемологической, а не на религиозной проблематике представляет социологию как науку «о логических институтах, стремящуюся продемонстрировать то, что категории мышления исходят из общественной жизни и что такое знание является по своей природе социальным»². Такое видение отличается от общепринятых трактовок предмета социологии, характерных для ранних воззрений Э. Дюркгейма, что еще более усугубляет указанный эпистемологический конфликт.

Следует заметить, что в творчестве ученого действительно наблюдается определенная двойственность, например в вопросе, который касается его теории солидарности³. Однако мы склонны видеть за этой противоречивостью лишь развитие социологом своих собственных идей, отбрасывание старых и принятие новых гипотез, другими словами, подлинно научный поиск. Вопреки многим интерпретаторам Э. Дюркгейма в этом научном поиске сохраняются методологические ориентации автора с опорой на идеалы рационализма и позитивизма. В своей работе он продолжает дальнейшее обоснование социологии как подлинной науки о человеке,

которая в противовес метафизике будет опираться на эмпирически достоверное и экспериментально проверяемое знание.

В итоге публикуемый в настоящем номере перевод заключения к произведению позволяет читателю несколько приблизиться к масштабам научных изысканий французского социолога. В определенной степени сама структура заключения отражает тот спектр вопросов, которые затрагиваются в основном тексте. Здесь мы видим исследовательские интуиции, касающиеся социологической теории религии *per se* (с лат. – сама по себе), размышления автора о соотношении религии и науки, развертывание масштабного проекта дюркгеймианской социологии знания, изложение эпистемологического аргумента о социальном происхождении основных категорий мышления.

Таким образом, очевидно, что попытки дать единственно правильный ответ на вопрос о предмете работы «Элементарные формы религиозной жизни» оказываются несостоятельными. Стремления трактовать его идеи только с позиции социологии религии лишь отдаляют нас от адекватной оценки фундаментального вклада Э. Дюркгейма в социологическую науку, наиболее полно обозначенному именно на страницах его поздней работы. (Пере)открытие научного труда для отечественной социологии еще ждет своего часа и требует координации усилий всего научного сообщества. В этом свете мы надеемся, что представленный в номере перевод (пусть и не с языка оригинала) положит начало масштабным исследованиям в этом направлении. Это позволит по-новому взглянуть на основания социологической науки и расширить ее предметную область теми феноменами, которые долгое время выпадали из поля зрения белорусских ученых.

¹Роулз Э. У., Корбут А. Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социол. обозр. 2014. Т. 13, № 2. С. 84–140.

²Oegin A. Durkheim as a sociologist of knowledge: Rudiments of a reflexive theory of the concept // J. Class. Soc. 2016. Vol. 16 (1). P. 7–20.

³Юдин Г. Б. Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма // Социол. обозр. 2013. Т. 12, № 2. С. 122–132.